

Цецен Балакаев

A full-length portrait of a man in traditional Chinese official attire, seated on an ornate wooden throne. He wears a red hat with a gold finial and a yellow robe with a dragon motif. The background is a plain, light-colored wall. The floor is covered with a patterned carpet. The text is overlaid on the image.

**ЗА КАМЕНЬ И ДАЛЕЕ
ХРОНИКИ СИБИРСКОГО ПУТИ**

**Записки Алексея Никитича Воронина,
подьячего Посольского приказа
в четырёх частях**

Цецен Балакаев

За Камень и далее.

Хроники Сибирского пути

<https://litres.ru/74030803>

SelfPub; 2026

Аннотация

Три года. Двадцать тысяч вёрст. Один подьячий
1692 год. Москва отправляет посольство к китайскому богдыхану. Среди дипломатов – Алексей Воронин, подьячий Посольского приказа. Ему поручено вести путевой журнал.

Впереди – размокшие дороги, разбойный Кайгород, языческие капища вогулов, белки-серебрянки и росوماхи-людоеды. Позади – Европа. Впереди – Азия, Даурия, Великая стена и Запретный город.

Что увидит русский человек при дворе Сына Неба? Как торгуются мандарины? Поклонится ли посол драконову трону? И вернётся ли он живым?

«За Камень и далее» – это поденные записки очевидца. Кровь, грязь, чай, шёлк, честь и хитрость. Сибирь и Китай глазами человека, который за Камнем не пропал, а нашёл друзей и мир.

Для всех, кто хочет понять: где кончается Россия и начинается Поднебесная.

Цецен Балакаев

За Камень и далее.

Хроники Сибирского пути

Цецен Балакаев

ЗА КАМЕНЬ И ДАЛЕЕ: ХРОНИКИ СИБИРСКОГО ПУТИ

Записки Алексея Никитича Воронина, подьячего Посольского приказа, участника посольства Эбергарда Избранта к китайскому Богдыхану. 1692-1695 гг.

Три года. Двадцать тысяч вёрст. Один подьячий

1692 год. Москва отправляет посольство к китайскому богдыхану. Среди дипломатов – Алексей Воронин, подьячий Посольского приказа. Ему поручено вести путевой журнал.

Впереди – размокшие дороги, разбойный Кайгород, языческие капища вогулов, белки-серебрянки и росомахи-людоеды. Позади – Европа. Впереди – Азия, Даурия, Великая стена и Запретный город.

Что увидит русский человек при дворе Сына Неба? Как торгуются мандарины? Поклонится ли посол драконову трону? И вернётся ли он живым?

«За Камень и далее» – это подлинные записки очевидца. Кровь, грязь, чай, шёлк, честь и хитрость. Сибирь и Китай глазами человека, который за Камнем не пропал, а нашёл друзей и мир.

Для всех, кто хочет понять: где кончается Россия и начинается Поднебесная.

Предисловие. От автора

Читателю, взявшему в руки сию книгу, – здравствовать и не хворать.

Я переписал эти записки из бумаг, чудом сохранившихся в старом сундуке одного тобольского купца. Бумага пожелтела, чернила выцвели, но почерк подьячего Воронина оказался крепок, как сибирский мороз. Переписывал я их три года – ровно столько, сколько само посольство длилось, запятые расставил, да на главы разбил.

Сия книга – не роман, не сказка. Это путевой дневник. Местами жестокий, местами весёлый. В нём нет выдуманных героев, но есть настоящие: посол немец герр Эбергард Избрант, толмач Адам Бранд, тоже немец, встречные вогулы, тунгусы, мандарины и сам богдыхан Канси.

Москва пахнет квасом, Пекин – чаем, а тайга – свободой. Смешайте их – получится Россия. Та, что за Камень ушла и не пропала.

Читайте не спеша. И помните: за каждой строчкой – пот,

кровь и дракон.

Часть первая. ОТ МОСКВЫ ДО ЗЕМЛИ БОГДЫ-ХАНА

Глава 1. ОТПУСКНАЯ ГРАМОТА И САННЫЙ ПУТЬ

Март 1692 года выдался в Москве слякотным, будто сама природа не хотела отпускать нас в этот дальний путь. В ту пору я, Алексей Воронин, служил подьячим в Посольском приказе и имел честь быть приставленным к посольству господина Избранта Идеса, немца родом из Глюкштадта, но человека, обласканного государями нашими, Иваном Алексеевичем и Петром Алексеевичем.

В Китай, который величают «Хиной» или Богдыханским царством, мы снаряжались с осени. Дело было государственной важности: надлежало укрепить торговлю, разграничить земли и, главное, уладить старые споры на Амуре. Господин Идес, человек учёный и дотошный, объездил уже пол-Европы, но в Сибирь отправлялся впервые, как и мы, его спутники. Всего нас набралось двадцать душ, из коих двенадцать – немцы (аптекарь, лекарь, переводчики), остальные – русские стрельцы да служилые. Меня взяли как писмоводителя: вести путевой журнал, записывать расходы и хранить копии грамот.

Перед выездом нас допустили до государевой руки. Царь

Пётр Алексеевич, в ту пору в Переяславле тешившийся кораблями, смотрел на нас весело, а государь Иван Алексеевич благословил иконой. Напутствие было коротким: «Доезжайте и делайте так, чтобы честь наша была соблюдена, а казна полна».

Но едва отъехали от Москвы 14 марта, как начались мытарства. Господь словно испытывал наше терпение. Вместо твёрдого санного пути, на который мы рассчитывали, пошли проливные дожди. Снег таял на глазах, дороги развезло так, что сани не скользили, а плыли по жидкому месиву. Кони вязли по брюхо. Мы с немцем Брандом, ехавшим в первых санях, то и дело выскакивали, чтобы подпирать возы плечами.

– Никогда не видел такой дороги! – кричал мне Адам Бранд, утирая грязное лицо. – В Голштинии даже весной земля твёрже!

– А вы не удивляйтесь, герр посол, это ещё цветочки, – отвечал я. – Вот за Камнем всё иначе начнется.

«За Камнем» называли мы просторы за Уральскими горами. Но до них было ещё далеко.

Только к 22 марта добрались до Вологды. Город показался нам тихой пристанью. Мы обсушились три дня, и тут ударил мороз. Сильный, крепкий, как и подобает настоящей зиме. Дороги встали, и мы покатили бойко. Сухона встретила нас льдом, но крепким. Запомнился мне Великий Устюг – город богатый, с резными теремами. Воевода там оказался хлебо-

сол, угощал нас семгой да икрой, расспрашивал о московских новостях.

Особенно примечательным был Сольвычегодск. Я прежде слышал, что там варят соль, но чтобы столько! Адам Бранд, вечно всё записывавший в свою книжку, вытаращил глаза на местные варницы и сказал:

– Боже мой, да здесь сам царь Соломон разбогател бы!

Я усмехнулся про себя: «Погоди, немец, ты ещё соль на костях увидишь».

Глава 2. ЗЫРЯНСКАЯ ЗЕМЛЯ И РАЗБОЙНИЧИЙ КАЙГОРОД

Первым удивлением для европейцев стала Зырянская земля (или Волость-Ужга, как её кличут). Тут жил народ странный: вроде и крещёный, но говорит на языке, какого в Москве не поймут. Посол Идес, сведущий в наречиях, приметил, что речь их схожа с лифляндской, и долго допытывался у стариков, откуда они родом. Те лишь плечами пожимали: «Мы – зыряне, и всё тут. Так отцы жили, так и мы».

Но что поразило меня лично – так это их свобода. Нет над ними воевод, сами себе судей выбирают. Есть тяжба – решают миром. Не могут решить – шлют челобитную аж в Москву, в Посольский приказ. Глядя на них, я подумал: «Вот бы и в наших русских городах так, без воеводского воровства».

Ехали мы на санях, но апрель уже брал своё. Начались ру-

чьи, вода поднялась, и мы плыли, а не ехали. Сани наши превратились в плоты. Промокли все до нитки. И вот 6 апреля, чуть живые, добрались до Кайгорода.

Этот городок стоял на реке Каме. Выглядел он печально. Воевода, Иван Никитич Лопухин, встретил нас мрачно и первым делом рассказал страшную историю, от которой у меня кровь застыла в жилах.

Оказалось, всего два года назад, в 1690-м, Кайгород разграбили разбойники – сбежавшая от хозяев голь. Тридцать человек, а может, и больше, на судах подплыли к городу в воскресенье, когда народ молился. Выставили знамена, били в барабаны, играли на дудках – люди высыпали на берег, думали, гости пожаловали. А это была хитрость. Злодеи подожгли город с юга, ударили с севера. Резали всех без разбора, воеводский двор разграбили, слуг пытали. Сделали дело и уплыли вниз по Каме.

– Эх, – вздохнул воевода Лопухин, – теперь я на ночь караулыставляю двойные. А вы, господин посол, остерегайтесь. Места тут дикие.

Идес побледнел, но виду не подал. Велел поставить охрану на берегу и на воде. Мы спали с ружьями в головах. Я ту ночь не сомкнул глаз: всё чудилось, что из-за поворота реки плывут те самые суда с распущенными знамёнами. Однако Бог миловал.

В Кайгороде мы застряли на недели. Кама вскрывалась ото льда медленно, а ехать посуху через Верхотурские горы

было нельзя – там болота непролазные. Я сидел на берегу, смотрел на грязные льдины и думал: «Вот так и тянется наша земля, большая да суровая. Не то, что у них в Голштинии».

Глава 3. ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ ЕВРОПУ И АЗИЮ

Наконец, 23 апреля мы отчалили. Плыли до Соликамска четыре дня. Город этот, что ни говори, богатый. Соляных колодцев там – более пятидесяти. Варницы дымят день и ночь. Посол Идес, человек хозяйственный, велел мне записать, сколько соли грузят на суда.

– Ты гляди, Воронин, – сказал он. – На одном таком судне до восьмисот рабочих, а груз – сто тысяч пудов! Это же целый флот!

– Истинно так, герр Идес, – отвечал я. – Солью этой кормится полцарства.

В Соликамске с нами приключилось несчастье. Семён Галактионов, служилый человек, крепкий мужик, упал с пьяных глаз за борт. Течение быстрее ветра – его и не нашли. Только через два дня тело выловили ниже по реке. Мы отпели его и закопали на берегу. Адам Бранд записал в книжку: «Семён Галактионов, человек благочестивый, но слабый до зелья, утонул в реке Кама». Я же подумал: «Кама не прощает слабости».

А 14 мая случилось знаменательное событие. Мы оставили Соликамск, спустились по Усолке, вышли на Каму и свер-

нули на Чусовую. И тут господин Идес велел причалить к высокому берегу, покрытому зелёной травой.

– Господа, – сказал он торжественно, – последние минуты в Европе! Мы перешли границу. Дальше – Азия.

Бранд тут же схватился за перо. А посол достал бокал, налил вина и, выпив, бросил его через плечо в воду.

– За Европу, – сказал он, – и за её благополучие. Увидимся ли?

Я смотрел на высокий берег, на кедр, уходящий в небо, и думал: «Вот она, земля наша, сибирская, дикая, но родная. Идём мы в Китай, а где Китай – один Бог ведает».

Глава 4. ВОГУЛЫ: ЯЗЫЧНИКИ И ИХ БОГИ

Чусовая оказалась рекой капризной. В Европе мы плыли легко, а тут пошла работа бечевой. Двенадцать дней мы шли против течения. Спины трещали, ладони в кровь, а берега всё такие же – красивые, но дикие. Луга, цветы, запах трав – дух захватывает, но сил нет радоваться.

25 мая увидели мы первых сибирских татар – вогулов. Народ этот невысокий, коренастый, скуластый. Живут в избах без печей, посредине очаг, дым уходит в дыру в крыше, закрытую льдиной. Лёд пропускает свет, а тепло держит. Умно, хоть и дико.

Посол Идес, как только увидел их, велел причалить. Ему всё было любопытно. Мы зашли в избу. Вогулы испугались,

но посол дал им табак — сразу успокоились.

— Веруете ли вы в Бога? — спросил их переводчик.

— А как же, — отвечают. — Есть на небе кто-то. Солнце и луну он держит. Мы молимся раз в году.

— Раз в году? — изумился Бранд.

— А зачем больше? — удивились вогулы. — Убьём лошадь, шкуру на дерево повесим, мясо съедим — и всё. Так отцы делали.

А про чёрта они вообще не слышали. Я спросил: «А кто же вам зло делает?» Они говорят: «Никто. Человек сам себе зло делает, если глуп».

Я перекрестился. Дикари, а мыслят здраво.

Тут я заметил, что одна баба в углу не выходит, а прячется. Спросил: «Что с ней?» Вогулы отвечают: «Родит скоро. Уйдёт в лес, в избушку, два месяца с мужам не видится, а то умрёт».

Удивительный обычай. Или, может, мудрый? Женщина в лесу рожает, никто не мешает, никто сглазом не портит.

Вогулы принесли нам оленины и вяленой рыбы. Я ел, но без аппетита — уж очень рыба воняла. А они едят и похваляют.

Уходя, Идес подарил старейшине нож и топор. Тот низко поклонился и пообещал молиться за нашего царя. Но молиться, как я понял, он будет лишь через полгода, в следующий свой праздник.

Глава 5. УТКИНСКИЙ ОСТРОГ И ТЮМЕНСКАЯ ТРЕВОГА

В Уткинский острог прибыли мы 1 июня. Это крепостца деревянная, пушечки две, гарнизон малый. Служит она против башкирцев да уфимских татар. Пока мы стояли, пришёл туда один татарский князёк. Ищет жену, которая сбежала. Плачет, убивается.

– Кто же её украл? – спрашиваю.

А он махнул рукой и говорит:

– Никто. Она сама ушла. Это уж седьмой муж у неё, от которого она сбежала. Любит новизну, проклятая.

Мы с Брандом переглянулись. Бранд сказал: «В Европе женщины тоже бывают такими». Я промолчал, но подумал: «Бабы везде одинаковы, хоть в Татарии, хоть в Голландии».

Дальше путь наш лежал сушей. 10 июня пересели на телеги. И тут, на моё счастье, началось самое красивое. Невьянск, Арамашева слобода – поля возделаны, луга скошены, рожь стеной стоит. Русский дух! После диких лесов Чусовой душа отдохнула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.